

Петр ПРОСКУРИН

Цена хлеба

Москва, октябрь - 1996 - 18 сент. - с. 14

Жарко полыхает костер, вокруг которого собрались на обед лесорубы. Сушатся на колышках мокрые рукавицы, жарится на прутиках домашнее сало, греются выставленные поближе к огню бутылки с молоком. Шипят на углях, в сторонке от костра, вскрытые банки консервов.

Эта была дружная, хорошо сработавшаяся бригада. Не смолкал оживленный разговор. Слышались то добродушные, то колкие шутки, раздавался хохот, и костер, просевший до земли, весело потрескивал.

На этот раз шутки чаще всего относились к Ваньке Громову, рыжевато-парню лет двадцати, с озорными зелеными глазами. Подшучивали над его недавним неудачным сватовством к молодой учительнице местной школы.

Громов прислушивался и, шуря на огонь, посмеивался. С обедом он управился раньше всех и теперь отламывал от ломтя хлеба маленькие кусочки и швырял их в огонь. Пожилой моторист Меркулов, сидевший с ним рядом, некоторое время наблюдал за руками парня, затем сердито сказал:

- Что хлебом соришь? Навоз это тебе, что ль?

- Велика ценность - хлеба кусок, - не поворачивая головы, бездумно отозвался Громов. - Хлеба у нас навалом - хоть Игрень пруди.

Есть в жизни такие мгновения, будто ничего особенного не происходит, однако каждый чувствует - произошло: очень важное, неподвластное словам. Эти моменты придают жизни остроту. Человек как бы освещается и предстает совершенно иным, чем до этого казался.

Вот и сейчас. Все перестали жевать и с удивлением уставились на темноту лица, кареглазого Петровича. Знали Меркулова незаметным, молчаливым человеком. Какая муха его укусила.

Громов повернул голову, встретил взгляд моториста, и сразу в глазах парня погасли смешливые искорки.

- Ты что это, Петрович?

- Ничего... Просто хочу рассказать тебе, щенок, про кусок хлеба. Вот такой, как у тебя в руках. Может, трошки побольше.

- А-а... - протянул Громов, пытаясь спрятать неловкой улыбкой свое смущение перед другими и особенно перед молодой учительницей, сидевшей напротив.

Но на него никто больше не обращал внимания. С любопытством смотрели на Меркулова, и многие про себя усмехались: Петрович рассказывать будет! Тот самый, что больше десятка слов кряду не говаривал, даже при выдвижении его кандидатуры в депутаты районного Совета. Сейчас взмахнет, как обычно, рукой и отправится на деляну.

Петрович, успокаиваясь, глядел на пляшущие языки пламени. Отсвечивая в глазах, они придавали сосредоточенному, всегда чуть печальному взгляду моториста что-то новое. Некоторые тоже стали глядеть в костер, словно пытаясь понять, что увидел моторист в пламени. Но вот Меркулов заговорил, лица слушателей стали серьезными.

Случилось это давно, семнадцать лет назад. Низко над землей ползли в сторону Балтийского моря холодные, разбухшие от сырости тучи. Чужие тучи, как и та земля, над которой они проползли. Все кругом было чужое...

- Генка, - спросил Меркулов, с тоской глядя на тучи, почти напозавшие в овраг, - куда же мы все-таки забрели?

Тот, плотнее запахивая на себе шинель с отметинами спорных концлагерных нашивок, промолчал.

Вечерело. Сосны сыпали в овраг ржавую мертвую хвою.

- А у нас в Яновске теперь снег, - сказал вдруг Генка Петров. - Белый-белый, как сахар.

Меркулов вздохнул. Генка чудак, всегда что-нибудь вы-

думает. Это у него от рождения: мать смолodu артисткой была. Снег и сахар. Снег холодный, как смерть, а сахар...

Меркулов беспокойно задвигался, чувствуя мучительные спазмы в желудке и тошноту, подступавшую к горлу. И вслед за тем тоненько-тоненько зазвенело в ушах и перед глазами качнулся песчаный склон оврага, покрытый кое-где темной, тоже мертвой травой.

- Черт, - сказал Меркулов, встряхивая головой.

Тошнота прошла, и радужные круги исчезли. Но мысли о еде, возникшие при упоминании о сахаре, не проходили.

- Как ты думаешь, - спросил Меркулов товарища, - может, это уже Польша?

Задумчиво пожевывая травинку, Генка обронил:

- Нет, рано. Еще Пруссия. Дней через пять.

Над ними громко и часто застучал дятел. Они вздрогнули, и Меркулов сунул руку в карман шинели, где у него хранился тупой клец от бороны.

- Дятел, - с облегчением сказал Генка, приваливаясь спиной к обрыву.

Меркулов нервно рассмеялся:

- Черт. У меня в башке все перепуталось. Бредом, бредом... Вдруг куда к испанцам угодим?

Черные, потрескавшиеся губы Генки упрямо сжались. Сузились глубоко запавшие глаза.

- Мы идем на восток, - сердито сказал он. - Там Россия. Скоро стемнеет, и можно будет идти.

- Да, скоро стемнеет, - тихо отозвался Меркулов. - Но если нас поймут, мы угодим на полигон для тренировки овчарок.

- Молчи! - зло оборвал его Генка. - Дурак! Нужно о жизни думать. Нас не поймут. Скоро Россия.

По двадцать с небольшим прожили друзья на свете - Меркулов Пашка и Генка Петров. Росли на одной улице в заводском поселке Яновске. Учились в одной школе, сидели за одной партой. Вместе пошли на работу, вместе ходили на гулянки. Но никогда не думали они, что придется им говорить: «Скоро Россия». Россия была вокруг них, была в них самих, и о ней, как о матери, не слишком много думали. Теперь Россия стояла перед ними всегда. Что бы они ни делали, о чем ни думали, она стояла перед их взором. Шагая по чужой земле, они видели окрестности своего Яновска. Вдыхая сырой и мерзлый воздух, они вспоминали, как ков он там - дома. И этот милый, безраздельно владевший ими дух Родины заменял хлеб, давал силы.

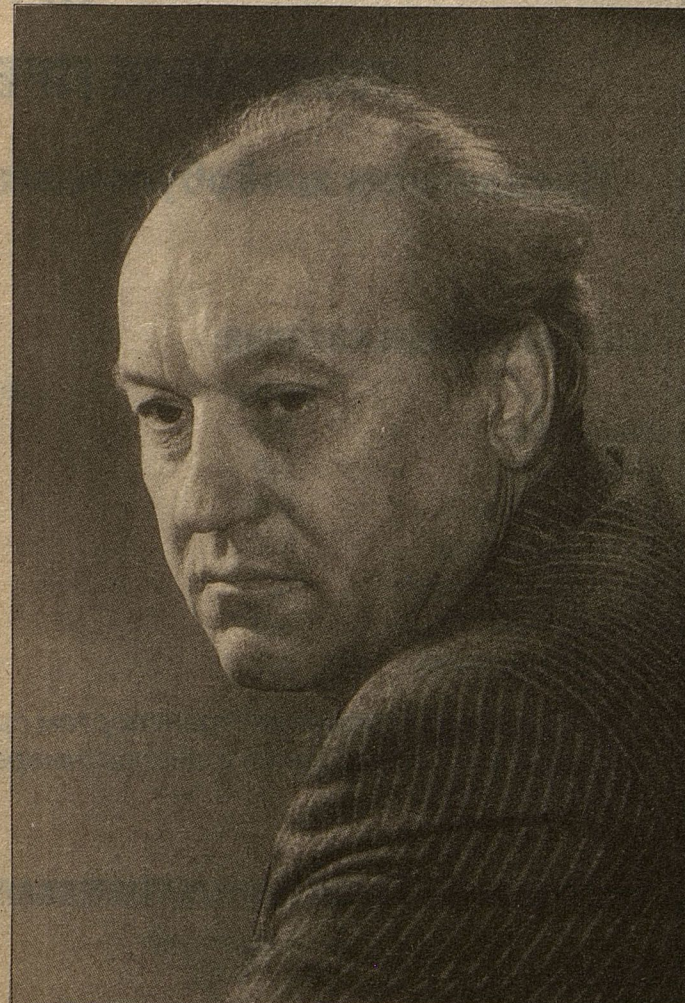
Вывавшись из концлагеря в Пруссии во время воздушного налета англичан, они пятый день шли на восток. Шли ночами. Как только начинало светать, забивались в овраг, в лес или другое мало-мальски пригодное место.

Они шли по унылой, скудной земле. Песок, тощие поля, тощие, насквозь просматриваемые лесочки. Они пуще смерти страшились, чтобы кто-нибудь их не заметил. На ноги сразу поднимается вся местная жандармерия. А они слишком хорошо знали, что такое немецкие овчарки.

Генка Петров, взявший на себя роль проводника, определял направление. У него не было ни компаса, ни карты, только страшная, ожесточенная уверенность: на востоке - Россия.

Вторые сутки, кроме воды, во рту ничего не было. На полях все убрано. Два дня назад они разделили последнюю сырую картошку из десятка, что им посчастливилось подобрать на одной из проселочных дорог. А из фольварков и ферм, которые они и ночами далеко обходили стороной, доносились дразнящие запахи. Их все сильнее тянуло к себе крытые красной черепицей крыши.

Темнота в овраге сгущалась, пора было двигаться. Но Генка почему-то молчал.

- Нужно сходить в село, - сказал он наконец. - В то, что за лесом, к югу. Нужно чего-нибудь достать.

- Я схожу, - не сразу отозвался Меркулов.

- Почему ты?

- Потому что... Потому что ты лучше разбираешься, куда идти. Если...

- Нет, - Генка поморщился. - Раз так, пойдет тот, кто вытащит короткую палочку.

Он отыскал сухой стебелек, выломил из него две палочки и, сжав в кулаке, протянул Меркулову.

- Давай.

Короткая палочка досталась Генке.

Ночь. Чужая, нерусская, враждебная ночь. Меркулову, все сильнее мерзнущему, казалось, что это не он дрожит, а дрожит густая, насыщенная опасностью темень. Он встал и, сдерживая дыхание, долго вслушивался. Ничего не услышав, чтобы немного согреться, помахал руками, потоптался на месте и снова сел.

- «Нужно было идти вдвоем, - подумал он затравленно. - Если что, одному все равно не выдержать».

Потом он стал думать о товарище, и возбужденное воображение рисовало перед ним Генку. Небольшого, коренастого, с исхудавшим лицом. Но глаза у Генки сощурены так, что Меркулову их не видно. Он попытался вспомнить, какие у Генки глаза, и с удивлением убедился, что не знает. Это его почему-то встревожило. Напрягая память, он снова пытался вспомнить и не мог.

Тревога охватила Меркулова сильнее. Теперь он с трудом удерживал себя на месте. Старался думать о чем-ни-

будь постороннем. Но, думая о другом, продолжал настороженно вслушиваться.

Встав, он опять зашагал по оврагу. Пять шагов туда, пять обратно. Так ходят в тюремных камерах. И лучше не думать, ни о чем не думать! Генка сказал: «Скоро Россия». Россия не может исчезнуть, что бы ни случилось.

Замерев на месте, Меркулов снова слушал враждебные звуки чужой ночи. Он слушал всеми клетками своего тела. Ему казалось, что он чувствует, как движется время. Оно струилось сквозь него, и он долго боялся шевельнуться.

- «Не схожу ли я с ума?» - подумал он, проводя по лицу рукой.

Это была тяжкая, бесконечная ночь. Такой Меркулов еще не знал. Он уже понял, что произошло несчастье.

Когда мрак в овраге стал редеть, Меркулов сел и уткнулся головой в колени. Идти все равно было нельзя - днем он попытается узнать, что произошло с Генкой. А ночью пойдут. Нет, не может он уйти с этого места! Генка, Генка!.. Скоро Россия, Генка. Ты же сам говорил...

А по земле нерешительно и робко крался поздний осенний рассвет. Ветер потянул с запада, зашевелил рыхлый туман. С откоса в овраг тонкой струйкой посыпался песок. Меркулов вскочил, оглянулся, и лицо его исказилось в беззвучном крике.

Генка вернулся.

Он лежал на дне оврага, и большое темное пятно расплывалось по его шинели. Он крепко прижимал к груди кусок хлеба - треть буханки.

Генка вернулся. Он сумел вернуться. С хлебом, не нужным теперь ему, но необходимым товарищу.

Меркулов стоял на коленях, склонившись к самому лицу, и слушал его хриплый шепот. У Генки на губах алела легкая пена. Лицо было белым-белым. «Как сахар», - вспомнил Меркулов, кусая губы, чтобы не расплакаться.

- Слышишь, дерево в парке у самого входа, тополь... большой тополь. Ты будь там. Мы там встречались с Настенькой. Пашка, слышишь... мы не успели пожениться... у нее будет ребенок. Я хотел сына. Слышишь, Пашка... она хорошая... она должна жалеть его. Как в плен попали, расскажешь. Ты дойдешь.

Скосив глаза, умирающий увидел товарища.

- Не плачь, не надо. Я думал, умирать труднее. Лучше попрошаемся. Дома поцелуй Настеньку... И я с тобой. Ты дойдешь, хлеба немного есть. И ботинки мои возьми. Крепче твоих, кожаные...

В последний миг Меркулов увидел вдруг Генкины глаза. Они были, как небо, голубые и чистые. Потом они стали гаснуть. Глаза умирали последними.

Когда Петрович замолчал, пламя уже спадало. Синеватые язычки пламени становились все меньше и бледнее. Никто из сидевших у костра не решился нарушить молчания.

Петрович застегнул ватник.

- Теперь много хлеба. Но хлеб - свят. Вы знаете моего старшего - Владимира. В десятом классе, взрослый. Он мне, может, дороже жизни, я его пальцем ни разу не тронул. Но если бы он так о хлебе сказал...

Меркулов встал, вскинул пилу на плечо и тяжело зашагал от костра к своей деляне.

А остальные по-прежнему молчали и глядели ему вслед. Но вот смотревшая в пламя девушка-бракерша дрогнувшим голосом произнесла:

- Ребята, ведь у Володьки Меркулова глаза голубые... Голубые и чистые, как небо.

В огонь подбросили охапку веток, и костер взметнулся высоким пламенем.